

Комѣине — по-видимому, фонетический вариант к *Комельне*, с такой же вариантностью [л'] и [j], как, например, в *горносталь* — *горностаи*, *хрусталь* — *хрустаи*. Существующая поныне деревня Комель (бывшего Крестецкого уезда) находится в 90 км к востоку от Новгорода.

Написание *Комель* (с ъ) либо отражает морфологический вариант, отличный от *Комель*, либо принадлежит к тому же ряду, что отмеченные в берестяных грамотах написания *хомела* ‘хмеля’, *лоудие* ‘люди’, *рубель* и т. п. (см. ДНД₂, § 2.44); вероятнее второе.

Рѣчь или *рѣчи* (мн. число) может означать либо просто речь, заявление, либо судебное разбирательство.

Два варианта интерпретации заключительной фразы определяются прежде всего тем, что можно делить отрезок *реции* на *реци* и или не делить. Вариант *⟨послѣ рѣчи⟩*, вероятно, следует понимать как ‘после [этой] речи (т. е. после устного извещения о вызове)’; вариант *⟨послѣ рѣчиш⟩* — как ‘после разбирательства’.

Прикин⟨е⟩ (букв.: ‘прикинет’, ‘подкинет’, ‘подбросит’) скорее всего означает здесь ‘прибавит’, ‘добавит’ (чего именно, было ясно из утраченной начальной части документа; вполне вероятно — денег); ср. у Даля: *прикидывать*, *прикинуть* ‘прибавлять, придать, кинуть или дать на прибавку’ (см. также ниже грамоту № 1045, где встретился глагол сходной формальной и смысловой структуры *присунути* ‘подсунуть’).

Конечное *да* — диалектный северновеликорусский постпозитивный союз (равносильный более обычным *и*, *а*); ср. *а лежи ни ѿ ного не ѿжде да* ‘а сиди и не смей от него отъехать’ в грамоте № 370 (XIV в.).

Неполнота контекста не позволяет в точности восстановить ситуацию. Автор явно участвует в каком-то имущественном споре. Макс — либо его противник в этом споре, либо, напротив, принадлежит к той же тяжущейся стороне. Некое административное лицо вызывает обоих в Комель для разбирательства. Автор сообщает о таком повороте дела и заявляет, что Макс что-то прибавит (вероятно, к той сумме, которую он рассчитывал заплатить вначале).

Перевод документа в версии «а»: ‘И позвал нас господин на Комель (*или*: И [он] позвал нас, господин, на Комель), и мы пошли на Коейне (Комельне) с Максом после [этой] речи (т. е. после устного извещения о вызове). И Макс подкинет’.

Перевод документа в версии «б»: ‘И позвал нас господин на Комель (*или*: И [он] позвал нас, господин, на Комель), и мы пошли на Коейне (Комельне) с Максом. И после разбирательства (*букв.*: речей) Макс подкинет’.

Гипокористическое имя *Максъ* (от *Максимъ*), которое кажется неправдоподобно современным, в действительности построено в полном соответствии с древнерусскими правилами: ср. встречающиеся в берестяных грамотах имена *Климъ*, *Сидъ*, *Харль*, *Кондръ* и т. п.

Следует отметить встретившийся в грамоте ранний пример перехода *кы* в *ки* (*прикинѣ*).

Словоформа *Комѣине* может представлять собой В. ед. сред. рода *⟨Коеине⟩* (ср. в НПК, например, *Городне*, *Тушне*, *Владычне*) или В. *⟨Коеинѣ⟩* от названия (во множ. числе) на *-нѣ* или *-ни* (ср. в НПК, например, *Перни*, *Доровни*, *Хвошни*).

В *позвале насъ* представлено уже полноударное *насъ* (а не энклитическое *ны*).

Грамота № 930

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 4, на уровне пласта 21 (глубина 4,00–4,20 м), в напластованиях усадьбы Б. Это верхняя половина листа, вырванного из берестяной книги. На левом краю следы шва, т. е. лист был оторван прямо по шву. Сохранилось девять полных строк и одна неполная:

сѣѣисисинѣиисихаилъсѣдаш--[а]горахъси
 наистиисмотрашенаморе-и[бѣ]шюмъсне
 бесѣвелико·и^нстрашно·ивидианг^ллалета
 шаснѣсѣсѣтгосисиниа·исиха---[н]ару
 циимушеледаны·авруку·д[ѣ]---шаѠ
 ружьяпламена[·]ноаби-[вѣ]змути
 саморе·изиидоша·з·женъ·простовла
 сыхъ·Ѡканиивидѣниемъизым
 анъбъшасилою·невимагоцѣра·ирѣ
 шасѣты[исис----и]сихаилъѡ...

В строке 6 после *ружь* зачеркнуто *к*. В строке 7 перед *женъ* начата и брошена какая-то буква. В строке 8 в начале было написано *сыхъихъ*, но затем лишнее *ихъ* было затерто. В строке 9 в *невимаго* пропущено *ди*. В строке 3 в *велико* и *страшно* союз *и* вписан над строкой.

Длина 19,5 см, ширина 7 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. – первая половина 1420-х гг.

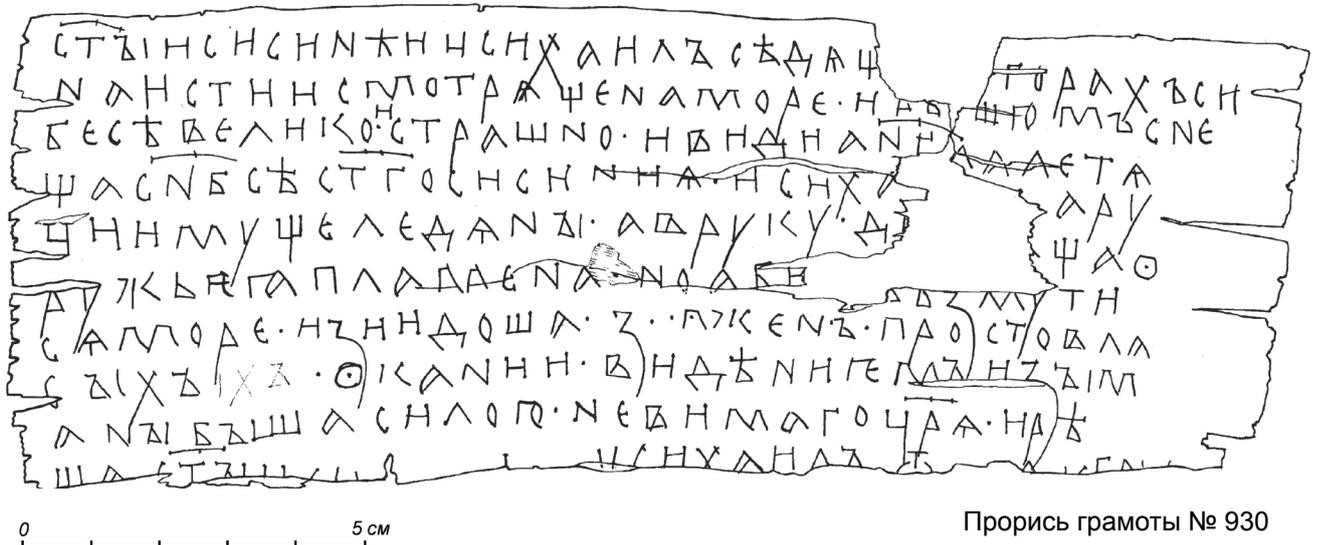
Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг., предпочтительно 1380-е –1400-е.

Текст делится на слова так:

С(в)а)тыи Сисинѣи и Сихаилъ сѣдаш- (н)а горахъ Синаистии смотраше на море. И бѣ шюмъ с небесѣ велико и страшно. И види ан(г)ела летаща с н(е)б(е)сѣ с(в)а)т(а)го Сисиниа и Сиха(ила), наруци имуше леданы, а в руку дѣ(р)жаща Ѡружья пламена. Но аби(е) възмутиса море, изиидоша 7 женъ простовласыхъ, Ѡкании видѣниемъ, изыманы быша силою невидимаго ц(а)ра. И рѣша с(в)а)тыи Сис(инии) и Сихаилъ ...

Это один из вариантов распространенного в средние века в славянских странах (но известного также в греческой, армянской, сирийской и других традициях) заговора против лихорадки — так наз. Сисиниевой молитвы (см. Пыпин 1862; Познанский 1912; Рындина 1962; Топоров 1993 и специально о данной грамоте Гиппиус 2005). Данная его запись на несколько веков старше самых ранних из известных донныне славянских записей.

Сюжетная схема этой легенды, известной во множестве вариантов, такова: некий святой (двое, трое святых), идя по дороге (спускаясь с горы, сидя у моря), встречает женское демоническое существо (семь,

двенадцать сестер, иногда дочерей Ирода). Он один (они одни) или при помощи посланного Богом ангела заставляет его (их) открыть свои имена. Композиционный центр текста как раз и составляет перечисление демоном своих имен (двенадцати с половиной, двенадцати, семи) или, если их несколько, открытие каждой из сестер своего имени (список имен, естественно, также варьирует, в славянской традиции он включает имена Трясея, Огня, Ледея, Гнетя, Пухнея, Коркуша, Желтея, Невея и т. д.). На этом повествовательная часть заканчивается, и следует заклятие поименованных демонов именами Бога, ангелов, четырех евангелистов и т. д.

Фигура ангела (архангела) Сихаила немедленно заставляет вспомнить берестяную грамоту № 734 с заговорным текстом, найденную в 1991 г. на Троицком раскопе: *Сихаїль Сихаїль Сихаїль аньгѣль аньгѣль аньгѣль Г{и}(оспо)днь, гѣ има аньгѣла*. А в 2012 г. этот ряд пополнился грамотой № 1022 (см. ниже): *+ Христоꙗ въскрь(сь), смъртию на смърть настоупи. Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль анг(е)ль. Проганаеть та Г(оспод)ь, злаа болѣзни трасавице!* Ясно, таким образом, что в русской народной традиции (возможно, даже специально новгородской) Сихаил занимал некое повышенно значимое место.

В данном варианте заговора произошло слияние фигур Сисиния и Сихаила в цельный парный образ (типа Петра и Павла, Козьмы и Демьяна, Бориса и Глеба). В первоначальном сюжете на горе сидит Сисиний и видит, как к нему слетает с неба (арх)ангел Сихаил. В данном тексте герой уже везде парный, отсюда явная алогичность текста (которая, однако, в составе заговора, очевидно, не ощущалась как дефект).

Перевод: ‘Святой Сисиний и Сихаил сидели (букв.: сидя) на горах Синайских, смотря на море. И был шум с небес, велик и страшен. И увидел ангела, летящего с неба, — святого Сисиния и Сихаила, носящего на ручни (части воинского доспеха) ледяные, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жен простоволосых, окаянные на вид; они были схвачены силою невидимого царя. И сказали святой Сисиний и Сихаил ...’

Простоволосые жены — трясавицы, олицетворения лихорадки.

Язык заговора — церковнославянский с ошибками (*Синаистии* вм. *Синаискихъ* или *-скихъ*, *имуце* вм. *имуца*). Элементы живого древнерусского языка: *зы* в *изыманы* (в отличие от *зи* в *изиудоша*); окончание *-ии* (вм. *-ыи*) в И. мн. жен. *оканиии* (скорее смешение муж. и жен. родов во мн. числе, чем древненовгородский И. мн. жен. *⟨-ѣѣ⟩*); сред. род сказуемого в *и бѣ шюмь велико и страшно* (§ 4.25).

Види вм. *видѣ* может иметь не фонетическое, а морфологическое происхождение — осмысление словоформы как презенса.

Грамота № 931

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 109, на уровне пласта 21 (глубина 4,16 м), в напластованиях усадьбы В. Это целое письмо из пяти строк:

приказъкъсменуоже
ниоженѣцобѣнѣсиуго
моноздоспѣлъпопро
стуаменездущиа
азътобѣцеломъбѣю

Каждая буква грамоты выведена очень старательно, но явно не очень опытной рукой. В слове *оугомон{о}ъ* буква *г* написана зеркально (скорее всего просто по нетвердости навыка, поскольку других примеров зеркального *г* в берестяных грамотах нет). Вместо *ѡ* (или *Ѣ*) использовано просто *о*. Писавшая исправляла то, что она воспринимала как ошибку (*о жени* заменено на *о женѣ*, в *оугомоно* конечное *о* заменено на *ѣ*), но при этом оставляла ненужное незачеркнутым.